

## Интеллектуальное событие

### От редакции

Продолжаем печатать статьи из капитального труда, посвященного анализу семи поколений московских философов<sup>1</sup>. В данном номере представлена часть трудов философов поколения 2000-х годов.

*В.П. Макаренко*

## ОТВЕТ НА ВОПРОС: ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ<sup>2</sup>

*А.П. Беседин*

*Московский государственный университет  
им. М.В. Ломоносова*

**Аннотация:** В этом очерке автор предлагает свое осмысление понятия философского поколения, выделяет некоторые критерии поколения (генетический, коммуникативный и критерий независимости), рассматривает проблему «первого поколения» в научном сообществе. Понятие философского поколения, отстаиваемое автором, можно охарактеризовать как слабое. Далее автор предлагает на суд читателя некоторые размышления о собственном поколении.

**Ключевые слова:** философское поколение, смена поколений, философское сообщество, философия образования.

Само существование философских поколений удивительно. Ведь философ, в отличие от представителей многих других областей науки, – это почти всегда одиночка, который стремится подчеркнуть свою индивидуальность, отличить себя от всех остальных. Конечно, то же самое можно сказать о поколениях художников или музыкантов, возможно спортсменов. Судить об этих сферах я не решусь, но постараюсь в этом эссе дать свой ответ на вопрос: что такое философское поколение? То есть: если поколение нельзя определить лишь механически – только по году рождения его представителей, то как его можно определить?

<sup>1</sup> См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 1232 с., ил.

<sup>2</sup> См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 870–879.

Оттолкнусь я от знаменитого кантовского ответа на другой вопрос, перефразированный мной в названии эссе. Становление поколения – это выход группы людей из состояния несовершеннолетия, в котором они находились отнюдь не по собственной вине, но в котором могли бы остаться по собственной воле. «Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-либо другого» [Кант 1993: 127]. В процессе анализа этой мысли я постараюсь выделить критерии философского поколения, которые кажутся мне важными.

Говоря о «группе людей», я имею в виду группу внутри философского сообщества. За исключением случаев, когда мы сталкиваемся с «первым поколением» (если оно возможно), поколение, на мой взгляд, формируется в существующем, живом, активном сообществе, является его подсообществом. Новое поколение – это, отчасти, продукт педагогической деятельности предыдущих поколений. Таким образом, можно выделить генетический критерий поколения – возникновение его в рамках активного сообщества в результате деятельности предшествующих поколений.

Но разве не может поколение возникнуть без педагогической активности учителей? Я отвечу – «нет». Но не так ли возникают первые поколения, формирующие сообщества? К тому же разве не могут учителя быть заочными? Если какой-то кружок философов самостоятельно изучает труды великих и участвует в жизни более широкого сообщества, почему мы отказываем ему в статусе поколения? В ответ на это я прибегну к такому анализу понятия сообщества: вряд ли сообщества с онтологической точки зрения составляют естественный вид. Поэтому можно достаточно безопасно предположить, что им свойственна некоторая неопределенность: иногда нельзя сказать, есть ли сообщество или нет. О первых поколениях мы, как правило, говорим ретроспективно: как о части сообщества, которое продолжило свое существование, произвело на свет новые поколения. Представьте группу ученых, которые при жизни составляли активное сообщество, но которые не произвели научного потомства. Об этой группе вообще нельзя сказать, что она представляет собой поколение. Или, если даже у наших гипотетических ученых были ученики, они могут и не составить своего сообщества-поколения, остаться настоящими одиночками.

То же самое касается и «кружка самородков»: его можно назвать поколением только относительно последующих поколений. Более того, такие кружки часто маргинальны по отношению к глобальному сообществу. Таким образом, уверенно говорить о поколениях можно только в «нормальном» воспроизводящем себя сообществе. Существование поколений на этапах формирования сообществ (и, возможно, их распада) и на их границах неопределенно.

Да и возможно ли такое по-настоящему первое поколение? В процессе написания предыдущего абзаца я пытался найти в истории философии пример такого поколения и не нашел. Мы можем говорить о первом поколении итальянских гуманистов, о первом поколении немецких романтиков. Однако сами формулировки названий этих сообществ, выбранные мной для наглядности, указывают на то, что эти группы появились в рамках существующих национальных сообществ.

Вернемся к исследованию понятия поколения. Поколение – это также группа людей, связанных определенным образом. Если в разных частях сообщества появляется множество специалистов, не взаимодействующих друг с другом, ничего друг о друге не знающих, то таких философов нельзя назвать поколением. При этом речь идет не только о географической удаленности: изолированные части сообщества могут сосуществовать в рамках одного факультета или института, буквально на одном этаже. В то же время нельзя сказать, что все представители одного поколения постоянно друг с другом взаимодействуют (такое сообщество можно было бы назвать кружком).

Скорее, общение с представителями своего поколения основано на определенном спектре ожиданий. Когда я впервые встречаюсь с профессиональным философом примерно моего возраста, я ожидаю от него или от нее, в первую очередь, знания положения дел в философии сегодня: знакомства с определенными именами, книгами, событиями. Конечно, того же самого я должен ожидать от активного философа любого возраста, так что этот тип ожиданий не специфичен для общения внутри поколения. Но представитель моего поколения всегда более открыт к взаимодействию определенного рода: спору на равных, критике текстов и идей, приглашению к участию в совместных мероприятиях. Я, в свою очередь, вижу своего сверстника как первоочередную цель для критики, как наиболее интересного собеседника. Короче говоря, представители одного поколения испытывают больший интерес друг в друге – интерес, направленный на продвижение философской мысли, – чем в представителях другого поколения. Именно взаимодействие в рамках одного поколения, на мой взгляд, наиболее продуктивно.

Подобную открытость, подобный набор ожиданий (лишь приблизительно обозначенный) можно назвать коммуникативным критерием поколения. Согласно этому критерию, представители одного поколения не обязательно постоянно находятся в активном взаимодействии друг с другом. Но они открыты, предрасположены к коммуникации определенного типа.

Далее я хотел бы порассуждать о самом процессе выхода поколения из состояния несовершеннолетия. Я отметил, что кто-то может остаться в этом состоянии по собственной воле. Важным критерием поколения, на мой взгляд, является независимость. Отказ от творческой свободы, подчинение бэконовскому идолу театра, – это отказ от причастности какому бы то ни было поколению. Ученик, во всем слепо следующий за учителем, не станет современником ни учителя, ни своих ровесников. Можно снова вспомнить слова Канта о просвещении: «Для такого просвещения не требуется ничего, кроме свободы, причем самой безбидной из всего того, что может называться свободой, а именно свободы во всех случаях публично пользоваться своим разумом» [Там же: 131]. И учителю принадлежит важная роль в культивировании такой свободы.

Кроме значения учителя, стоит отметить значение сверстников, которые и составят поколение. «Каждому отдельному человеку трудно выбраться из состояния несовершеннолетия, ставшего для него почти естественным. Оно ему даже приятно» [Там же: 129]. Для формирования поколения необходимо, чтобы этот переход осуществлялся сразу многими. Предпоколение – поколение студентов, учеников – изначально имитирует формы жизни действующего сообщества, тем самым готовя почву для появления поколения философов. Наконец, в обретении независимости важна роль самого ученика – стремление выйти из состояния несовершеннолетия.

На этом список критериев я завершаю. Не является ли характерной чертой поколения общность интересов, методов, представлений об определенных предметах? На мой взгляд, нет. Это мнение может быть обосновано только через обращение к истории философии. Да, так сложилось, что философы определенных стран и эпох философствовали именно так, а не иначе. Но посмотрим на поколения, активные сегодня. Для каждого из них можно определить круг тем, интересных именно этому поколению, методов, используемых именно им. Однако следует ли из этого, что эти представления не могут поменяться? Утверждать такое значило бы приписывать поколению как таковому косность, инертность.

Признак действующего поколения – это, наоборот, открытость к взаимодействию. В интересах представителей одной школы или традиции быть открытыми к критике, влиянию со стороны других течений, быть открытыми к принятию нового. Поэтому распростра-

ненность конкретных взглядов среди представителей поколения не является его существенной чертой. Это, скорее, контингентный историко-философский факт.

Понятие философского поколения, о котором я рассуждаю в этом эссе, очень слабое. Оно не предполагает включенности поколений в какой-то глобальный историко-философский процесс, преодоления новым поколением идей предыдущего и тому подобного. Я вижу поколение как часть определенным образом функционирующего сообщества. В пользу такой слабой формулировки понятия философского поколения можно выдвинуть еще такой аргумент: философское сообщество (наверное, и научное сообщество в целом) нацелено на размывание границ между поколениями. Ученые с совершенно разным статусом смотрят друг на друга, в первую очередь, как на коллег, соратников по цеху. Из-за этого, как мне кажется, философское поколение можно определить только в довольно размытых терминах.

\* \* \*

Кроме философической части, это эссе предполагает еще и часть автобиографическую. Я не уверен, что мне в моем возрасте прилично рассуждать о себе и о своем поколении. Но, оправдавшись тем, что таково требование ко всем авторам этого сборника, я напишу и об этом.

Я поступил на философский факультет МГУ в 2006 году, можно сказать, случайно. Еще при подаче заявления, в приемной комиссии не без участия моей мамы я решал, куда пойти: на политологию или на философию. Мне, выпускнику школы, было совершенно все равно. Подать документы на философию там же, в приемной комиссии, нас убедил Василий Маркович Желнов. Судьбоносным для меня было знакомство в 2007 году с Вадимом Валерьевичем Васильевым, который стал моим научным руководителем. Со второго курса я исследовал философию Беркли, также выбрав эту тему почти что случайно. Понимание того, чем занимается философ, пришло ко мне только к концу обучения на философском факультете.

В студенческие годы я не был активно вовлечен во «внеклассную» философскую жизнь. В то же время на факультете постоянно что-то происходило: дискуссии, лекции приглашенных профессоров, семинары и тому подобное. Я честно пытался принимать в них участие, но всегда сталкивался с одними и теми же вопросами: почему выступающий говорит именно об этом? почему это важно? как это связано с другими философскими проблемами? Мне кажется, у меня отсутствовало общее представление о том, как устроено проблемное поле философии. Мне очень нравилась моя область исследования – история философии – из-за наличия в ней более-менее понятного мне предмета и методов. Также меня увлекала эстетика. Мой однокурсник Михаил Муравьев постоянно организовывал какие-то мероприятия, связанные с современным искусством. Благодаря его организаторской активности Анатолий Осмоловский прочитал курс на философском факультете о современном искусстве, который мне очень запомнился. Пожалуй, мои воспоминания о внеучебной философской жизни в годы моего студенчества касаются, в основном, событий, связанных с современным искусством. Наверное, именно в этой области я впервые пытался применить свои силы.

В 2010 году мне удалось уехать на один семестр на стажировку в дублинский Тринити-колледж. Там я работал под руководством Дэвида Бермана – крупного эксперта по философии Беркли. Опыт учебы в Тринити-колледже не только расширил мой кругозор, но и позволил сравнить системы образования в России и за рубежом, увидеть преимущества одной и другой. Система подготовки философов в наших вузах представляется мне более комплексной: студенты и аспиранты должны осваивать большой объем информации из разных областей, получать общее представление о всех философских дисциплинах (хотя лично я получил такое представление только к концу аспирантуры). Такой способ работы хо-

рош для подготовки философов-специалистов, которые хотели бы связать свою жизнь с философией. Известный мне западный вариант обучения, предполагающий выборочное ознакомление с некоторыми философскими проблемами, хорош для подготовки бакалавров и магистров, способных дальше свободно выбирать образовательную траекторию. Безусловным достоинством западной системы является большее внимание к самостоятельной работе студентов.

Мое вхождение в собственное поколение началось, как мне кажется, в 2014 году. Примерно в это же время у меня появился интерес к аналитической философии. На 2014 год была запланирована конференция МЦИС в Гренландии, и для подготовки к ней были организованы семинары (в то время я еще не работал в МЦИС). Один из первых семинаров (кажется, это было еще в конце 2013 года) был посвящен проблеме свободы воли. После прочтения материалов к семинару я был убежден, что компатибилизм в отношении свободы воли – это лишь языковая уловка. Но в ходе дальнейшего (неглубокого) изучения темы я очень быстро изменил свою точку зрения. При этом меня убедили очень простые, базовые компатибилистские аргументы. По-видимому, в это время у меня появился интерес к аналитической философии и, в особенности, к проблеме свободы воли и моральной ответственности. (Я помню, что до этого я посещал спецкурс Дмитрия Борисовича Волкова по философии Деннета и участвовал в конференциях по аналитической философии, но, как и с другими философскими направлениями, большого интереса она у меня тогда не вызывала.)

В первой половине 2014 года я начал работать в Московском центре исследования сознания (МЦИС), единственным сотрудником которого до меня был Антон Кузнецов. Я сразу включился в активную работу центра. Весной того года мы вместе с ним поехали на конференцию «Навстречу науке о сознании». В 2014 году отмечался двадцатилетний юбилей этой конференции, и проводилась она в Тусане, Аризона, – в том месте, где она впервые прошла в 1994 году. В этой юбилейной конференции принимали участие крупнейшие философы сознания, там я познакомился с Дэниелом Деннетом, Дэвидом Чалмерсом, Недом Блоком, Стюартом Хамероффом. Летом 2014 года МЦИС проводил конференцию в Гренландии: на одном корабле собрались студенты и аспиранты МГУ и крупнейшие современные философы сознания. Среди них были Деннет, Чалмерс, Дерк Перебум, Николас Хамфри, Джесси Принц и др. А после гренландской конференции была первая летняя школа МЦИС по свободе воли и моральной ответственности с Джоном Фишером. Это был интенсивный двухнедельный курс с участием иностранных студентов. Все это стало возможно благодаря Д. Б. Волкову и В. В. Васильеву. Разумеется, такое интенсивное общение с известнейшими философами и иностранными коллегами не могло не повлиять на меня. Думаю, именно в это время определились мои интересы в современной философии и представления о том, как можно философствовать.

В 2014 году я окончил аспирантуру и в сентябре начал работать на кафедре истории зарубежной философии философского факультета МГУ. С этого момента я стал тесно общаться с коллегами по кафедре. Особенно ценным для меня была работа с Василием Васильевичем Соколовым, который выступал на защите моей кандидатской диссертации и за которого я несколько семестров вел семинары. Разумеется, постоянное общение с В. В. Васильевым сформировало меня как ученого. Если говорить о людях моего поколения, то на меня повлияло общение с Дмитрием Геннадьевичем Мироновым. Очень важным мне кажется сотрудничество с моими коллегами не только по кафедре, но и по МЦИС: Антоном Викторовичем Кузнецовым, Андреем Викторовичем Мерцаловым, Евгением Владимировичем Логиновым.

С этими замечательными философами меня связывает не только дружба, но и совместные проекты. Одной из черт моего поколения, как мне кажется, является стремление к со-

трудничеству. Я не представляю, как я мог бы заниматься философией без постоянного обмена мнениями со своими коллегами. К тому же мы постоянно работаем в рамках совместных проектов. Вместе с А. В. Кузнецовым и Е. В. Логиновым читаем спецкурсы, с Е. В. Логиновым и Д. Г. Мироновым являемся соавторами нескольких статей по истории русской философии, вместе с А. В. Мерцаловым, А. В. Кузнецовым и Е. В. Логиновым мы занимались переводом избранных статей из Стэнфордской философской энциклопедии. С коллегами по МЦИС мы постоянно взаимодействуем в рамках многочисленных мероприятий, проводимых центром.

Если говорить о других характерных чертах моего поколения, то я, смотря на вещи со своей точки зрения, выделил бы следующее. Как мне кажется, среди философов, близких мне по возрасту, сформировалось представление о русской философии как об органической части философии мировой. Я говорю как о современности, так и об истории. Нам, по моему мнению, не свойственно заострять внимание на самобытности русской философии, на проблематике особенного пути России и тому подобном. Не то чтобы мы полностью игнорировали эти темы. Скорее, для нас это просто философские проблемы среди других философских проблем.

В моем поколении высок интерес к истории философии [Васильев 2020: 161–171]. В связи с этим, кроме своих коллег по кафедре, я хотел бы упомянуть замечательного историка философии А. Т. Юнусова. Среди философов моего поколения, ориентированных на аналитическую философскую традицию, как мне кажется, уже сформировалась тенденция к изучению проблематики действия, свободы воли, моральной ответственности. На них концентрируются, например, М. А. Секацкая, С. М. Левин, А. С. Мишура. При этом мне не кажется, что наше поколение занимается какими-то принципиально другими проблемами, нежели представители других поколений. Наоборот, философам того круга, к которому принадлежу я, свойственно придерживаться мнения, что мы продолжаем традиции классической европейской философии, исследуем те же вечные философские вопросы, которые философы изучали всегда. (По-видимому, на распространение этого мнения сильно повлиял В. В. Васильев.)

Разумеется, такая точка зрения может разделяться не всеми. Скорее всего, с ней бы не согласились мои коллеги по философскому факультету П. А. Ханова, А. С. Ветушинский, А. С. Салин, которых можно условно назвать представителями континентальной традиции. Постоянный обмен мнениями, совместная работа с этими философами говорит о том, что мы составляем вместе с ними одно поколение.

Скажу пару слов не о поколении, а о кружке сверстников, к которому я (как мне кажется) принадлежу: это российский кружок аналитических философов или, может быть, любителей аналитической философии. Мое мнение о различии аналитической/континентальной философии неоднозначно: я являюсь сторонником тех методов философствования, которые приняты в аналитической философии, однако мне нравятся и многие континентальные мыслители. С моей точки зрения, российское философское сообщество имеет очень хорошие шансы преодолеть это различие: я не вижу в своем поколении какой-то стены непонимания между аналитическими и континентальными философами. Скорее, наоборот, видны тенденции к сотрудничеству и сближению. (Возможно, это мнение выражает лишь всеядность аналитической философии, которая в той или иной форме поглощает всё, что ей подходит для каких-то целей; примером может служить философия восприятия, адаптировавшая идеи таких континентальных философов, как Гуссерль и Мерло-Понти [Ное 2004: 17].)

Мне кажется, что представители моего поколения разделяют мнение, что философия – это модно и современно, что это не просто академическая дисциплина, а стиль жизни. Очень важным для создания такого образа философии является журнал «Финиковый компот».

Группа энтузиастов, которые его делают, – это один из сильнейших центров тяготения в нашем поколении. Я говорю не просто о номерах журнала, принявших застывшую форму, а о постоянной деятельности «компотовцев», которая организована вокруг подготовки номеров. Если отвечать на вопрос о том, каких философов я считаю лицом своего поколения, то я скажу, что это создатели «Компота». Весьма характерной чертой «Компота» является то, что в этом журнале публикуются в отдельной рубрике «письма в редакцию» – короткие заметки от читателей, часто нефилософов. «Компот» представляет собой площадку, открытую для людей, просто интересующихся философией, готовых к диалогу по разным темам. В «Компоте» постоянно обсуждается такая важная и больная тема, как преподавание философии на других факультетах [Звездинский 2015: 69–70; Кондратенко 2015: 70–72; Вакулинская 2015: 73–74; Сапнов 2016: 63–65; Иванович 2016: 65–66; Панин 2016: 73–76] и даже в школе [Тухватулина 2017: 152–154], причем обсуждается она именно молодыми людьми: представителями моего поколения и младше.

Деятельность «Финикового компота» иллюстрирует еще одну черту моего поколения – высокую институционализацию. Мы привыкли заниматься философией в рамках организованных групп: Московский центр исследования сознания, «Финиковый компот», Московский центр исследования видеоигр – немногие примеры. Философ-отшельник – не образ философа моего поколения.

Свое мнение о нашем коллективизме, организованности как поколения я бы хотел подкрепить своим международным опытом. Я уже 8 лет состою в Международном обществе Беркли, которое, на мой взгляд, приближается к идеалу философского общества. В нем не так много участников, чтобы все не знали друг друга лично, но в то же время их достаточно много, чтобы всегда можно было собрать довольно крупную конференцию. Конференции общество проводит не реже одного раза в год. Они отличаются очень хорошей организацией и высокой дисциплиной. Сегодня в обществе Беркли довольно много молодых исследователей, которые рассматривают эту организацию как место взаимодействия друг с другом и со старшими коллегами. Между представителями моего поколения, состоящими в обществе, налажена постоянная связь. Такая открытость к взаимодействию, как мне кажется, характерна для людей моего поколения не только в России, но и за рубежом. Таким образом, я убежден, что российское философское сообщество является частью мирового, включающее в себя большое поколение философов – мое поколение.

\* \* \*

Представленные выше размышления исключительно субъективны. Возможно, кто-то из представителей старшего поколения улыбнется, прочитав это эссе, посмеется над идеализмом молодого (пока еще) философа, жадными и восторженными глазами смотрящего на мир. Но в этом сборнике есть и Ваши эссе, дорогие Учителя. Я постарался заострить те черты, которые я вижу в своем поколении, и, сравнив наши мнения, читатель, возможно, составит свое непредвзятое мнение о том, что же такое философское поколение<sup>3</sup>.

---

Вакулинская А. 2015. Философия не вовремя – *Финиковый Компот*. – № 9. – С. 73–74.

Васильев В. В. 2020. Философские диссертации в России (2014–2019 гг.): цифры и тенденции – *Вестник Российского философского общества*. – № 1–2. – Т. 91–92. – С. 161–171.

Звездинский Д. 2015. Зачем вы мне нужны? – *Финиковый Компот*. – № 9. – С. 69–70.

---

<sup>3</sup> Я благодарю Юлию Вадимовну Синеокую за приглашение принять участие в этом важном и интересном проекте.

Иванович И. 2016. Увлекательность, а не стандарт – *Финиковый Компот*. – № 10. – С. 65–66.

Кант И. 1993. *Сочинения: в 4 т. на нем. и рус. яз. Т. 1.: Трактаты и статьи (1784–1796)* (Под ред. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлинг). – М.: Ками.

Кондратенко Ю. 2015. Думай во все стороны – *Финиковый Компот*. – № 9. – С. 70–72.

Панин С. 2016. Философия в техническом вузе: разговор начистоту – *Финиковый Компот*. – № 11. – С. 73–76.

Сапнов К. 2016. О преподавании философии математикам – *Финиковый Компот*. – № 10. – С. 63–65.

Тухватулина Л. 2017. Философия для обществоведов, или Как за деревьями увидеть лес – *Финиковый Компот*. – № 12. – С. 152–154.

Noë A. 2004. *Action in perception*. – Cambridge: MA MIT Press.